

Иван Иванович Янжул

История финансового права

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Я61

Я61 **Янжул И.**
История финансового права / Иван Иванович Янжул – М.: Книга по Требованию, 2024. – 139 с.

ISBN 978-5-521-39732-7

ISBN 978-5-521-39732-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

и при этом то, что урнальская промышленность погибла. Остались только полюсничья грабни. Страна впадала в страшную бедность президиумами всего этого, а также и дурные земледельческие отношения, явившие эмиграцию в Америку. В 1847 году до нашего времени население Урала уменьшилось на 2 миллиона. Навешивание того же поговорок laissez faire, laissez aller многие экономисты возмущают и против грабни законов, заставляющих рабочих от эксплуатации розавь. Такие законы в настоящее время существуют во всей Европе, за исключением Бельгии и России. Они требуют от розавь чуждого и чуждого и боится, определяют количество рабочих часов, определяют дотации и эмиграцию от непосильного труда и т. п. Эти-то законы с точки зрения марксистской теории являются совершенно нецелесообразными. Многие другие люди, как, напр., Кобден и Брайт под влиянием теории протестовали всегда энергично против всей подобной законодательства. Понятная вещь, что подобное требование вопиет нецелесообразно.

3. Третий пункт, который политическая экономия затрагивает в том, что поговорок с очень оптимистичными. Этот оптимизм вытекает из президиума заблуждений и заключается в том, что, начиная с вв. Ринта, экономисты стараются найти естественные законы. Они говорят, напр., естественно зарплата не падает, и т. п. Такое признание некоторых поговорок естественными законами неизбежно ведет к оптимизму. Ответственно, если закон естественный, то, понятно, что против него бороться нельзя. У нас скажут, как скоро экономические явления будут подведены под такие естественные законы, то значит эти явления представляют собой то лучшее, что только может существовать. Отсюда оправдание всего существующего, привычка видеть все в розовом свете. Таким образом, оптимизм является неизбежным следствием отрицания поговорок Политическую экономию наравне с естественными науками.

Итак вот эти три пункта, на основании которых явился социальный оптимизм политической экономии, явился сказанный выше скептицизм. Всякий видит, что действительная жизнь не строится с этими теоретическими положениями. Кроме того, они так суровы, что каждый в своей индивидуальной чувствительности находит повод к скептицизму.

Но является вопрос, почему же обречены эти недостатки, где их причины? Причины эти заключаются прежде всего в том методе, которым до сих пор развивалась политическая экономия и которому она обязана своей действительностью. Этот метод чисто априорный, игнорирующий всякие наблюдения опы-

свободности. Ад. Виндт еще до известной степени обращается к тем вопросам и к жизни. Но это ему мало помогло, так как сводные были тогда скудные, статистические данные были мало разработаны. Кроме того и самое экономическое положение тогдашней Англии было относительно пабным - средним. Эта страна в то время находилась в период экономического перелома: ку-старная промышленность падала и развивалась кризис, экстензивное земледелие достигало своего максимума. Отсюда пошла экономическая перемена в развитии страны: менее экстензивное земледелие экономически вытесняется и развивается кри-зис, развивается фермерство в кризис разливов, многопольное хозяйство, усовер-шенствование пшеницы, добывание и т. п. Поэтому Ад. Виндт не мог удержаться в том, что он мало воспользовался подсказкой. Этому многому вынеска из опыта ответственности: об этом Ад. Виндт находил только догадываться. Но пре-сылки Ад. Виндта отчасти засмущивают этот упрёк, в особенности Рикардо. Хотя конечно упрёк такой возможен лишь с точки зрения современной теории исторически сложившаяся, упрёк или обвинять никого нельзя за его мнение, которое всегда является непосредственным продуктом своего времени и условий. Он внес в политическую экономию исключительную априорную метод. Выводы его не основаны ни на данных статистики, ни на данных истории, а исключительно на теории и исторически построены, на основании которых он пришел ко многим своим обобщениям. Многие же ученые или многие другие экономисты. Как пришел подобный априорный вывод или заключение на теорию заработной платы и на развитие теории экономической теории вопроса о переделке наемности.

Что такое заработный фонд? Во всякой стране, говорят эти экономисты, существует реальный капитал, который предназначается специально для того, чтобы производить заработную плату. Этот фонд, специально наз-ванный капиталом — уникальный фонд заработной платы, есть нечто иное, как капитал капитала страны и приносящий часть определенная в каждый данный момент, фонд в каждой стране заработный фонд и различается аналогично бо-гатству народа, причем в одной и той же стране отношение заработного фонда ко всему капиталу не всегда одинаково, а изменяется соответственно увеличению в ней богатства, однако в каждый определенный момент отно-шение это определено. Вся сущность капитала, составляющая заработный фонд, распределяется между рабочими с помощью конкуренции; весь фонд бер остаток идет на содержание рабочих; конечно, при этом не трудно опре- делить среднюю заработную плату, представляющую на долю каждого рабочего;

в самую группу, если принять все сказанное выше о заработной плате, то оказывается, что средняя заработная плата в каждой данной стране равна отношению между заработной платой и числом рабочих. Таким образом, с помощью ряда возмущений несомненно соображений экономисты приобщаются к открытию весьма важного экономического факта, важного по той же самой причине, которую мы не отрицаем. Действительно, на основании этого закона и многих других, ему подобных, получается масса выводов чисто практического характера; так, вышеприведенный экономический факт лег в основу решения вопроса о старости рабочих, лишиться своего право поднятия заработной платы, или удержания ее на известной высоте. Основываясь на упомянутом экономическом законе, по которому средняя заработная плата в каждой определенной момент времени в данной стране есть величина постоянная, равная частному от деления числа показывающего величину заработной платы страны на число рабочих, экономисты принимают вопрос о старости очень просто: для того, чтобы увеличить частное (заработная плата), говорить они, необходимо, чтобы или числитель увеличился, или знаменатель уменьшился; при том же самое самое уменьшение и числитель - частное, конечно, также останется без перемены, а отсюда тот вывод, что старость, не будучи в состоянии привести к каким-либо результатам, принесет только вред и может быть отнесена только к нежелательным работам. Для увеличения частного (заработной платы) необходимо, чтобы, или числитель (заработная плата) увеличился, или чтобы знаменатель (число рабочих) уменьшился. Первое может быть достигнуто только по иному увеличению богатства страны, следовательно, путем чрезвычайно медленным; второе — уменьшением рабочих и следовательно в разумеется потощения, что начнется в их соответствующих кругах.

Посмотрим теперь, как принимают экономисты другой вопрос, основываясь на той же теории заработной платы, — вопрос о переносе производительности. Вслед от увеличения производительности, говорят они, не может ни заработная плата увеличиться, ни уменьшиться число рабочих; числитель, следовательно, без перемены, знаменатель также; отсюда и частное неизменно. Таким образом, производительность никогда не может принести никакой пользы представителю труда.

Теория эта по своим свойствам крайне привлекательна, но, будучи проведена последовательно, она представляется весьма несообразною. В самом деле,

стоит только нам вглядеться поближе в условия действительной жизни, и мы увидим, что они далеко не оправдают этой теории. Теория заработной платы, имея характер абсолютный, возникла в Англии и должна иметь столько же с условиями английской жизни. Тогда утверждается, что названная теория далеко не имеет того абсолютного значения, которое ей приписывается, стоит нам взять для примера такую страну, которая в повоинные условия была совершенно отлична от Англии — такою страной является Америка.

Один выдающийся статистик Америки Адамс Уокер (Adams Walker), выводы которого подтверждены и другими учеными, вполне подтверждает веру в теорию заработной платы. Еще раньше впрочем Робертс и Марнер высказали много справедливого против этой теории. Вообще этой теория заработной платы прилагается кр этому фонду; прежде чем основываться на каком-либо промышленном предприятии должно существовать фонд, из которого бы извлекалась заработная плата рабочих, принадлежащих к данному промышленному предприятию. Мистер Уокер, пересмотрев массу различных примеров и фактов, пришел к тому заключению, что весьма рано, до самых последних времени, заработная плата в Америке извлекалась из продуктов производства. Рабочие в деревнях и городах, получая от них только самое необходимое, и только в конце года, после продажи продукта, получают от него между капиталистами и рабочими; до этого капиталисты получают рабочим получая не более $\frac{1}{3}$ всего производимого на его долю; это значит, что рабочие эти самые необходимые продукты предоставляют своим собственным средствам, получая заработную плату по стоимости продукта; это явление замечается не только в деревне, но и в фабричной промышленности. Независимо вышеприведенного Генри Форда (название книги: *Forty and progress* — «Вторгство и прогресс», существующий и русский перевод) подтверждает справедливость доводов капиталистов Локера, относительно других стран. Заинтересованные рабочие в массе возмущены. Контекстуаль и пр., или вовсе не получают вознаграждения за окончание производства, — продукты продукты, или получают вознаграждение только отчасти. Явление это объясняется недостатком капитала в названных странах и показывает, что далеко не всегда является необходимым для основания какого-либо промышленного предприятия существование особого заработной фонда, поэтому мы можем право сказать, что априори построенная теория заработной фонда не выдерживает самого

сладкой критики, как скоро мы обратимся к действительной ситуации, и именно значение весьма ценное. И тогда еще более подтвердится несомненная экономическая законность, построенная такими абстрактными мыслями, благодаря которым игнорируется всякое знание исторических фактов и особенностей каждой отдельной страны, мы приведем в пример — известную теорию заработной платы, представленную Рикардо; по этой теории размер платы определяется минимумом средств, необходимых для поддержания существования рабочего и его семейства; заработная плата имеет тенденцию постоянно увеличиваться в этом минимуме. Посмотрим, какие выводы/пропущены данные из этого закона; так как предметы главных потребностей рабочего состоят в сырых продуктах, то всякое возвышение цены на сырые продукты должно немедленно отразиться на заработной плате; заработная плата возвышается, и на первый взгляд кажется, что это должно отразиться на цене товаров, производимых рабочими; между тем Рикардо говорит, что возвышение цены товаров происходит в очень редком случае, обыкновенно происходит понижение прибыли, которое прежде получал заводчик. Ответственно, если при возвышении цены заработной платы возвышается, то цена товаров, производимых рабочими, обыкновенно в этот случай должна остаться на том же уровне, то естественно, что возвышение заработной платы должно отразиться на прибыли. Отсюда можно вывести, что всякая плата, которая имеет тенденцию повысить заработную плату, стремится в то же время понизить прибыль; другими словами: интересы прибыли прямо противоположны интересам заработной платы. Теория это несомненно привлекательна своего строением, но посмотрим, оправдывается ли она в действительности на деле? Посмотрим, на сколько в действительности происходят эти явления, которые мы должны описать на основании представленной теории. Обыкновенно защитники Рикардо возражают, что эти теории, отличающиеся характером абстрактности не могут применяться в действительной жизни, и при этом они, они обыкновенно вспоминаются массой условий, которые надо принимать во внимание в каждой конкретной ситуации. Точно это так, однако, что касается Рикардо, то не имея его доказательств, можно тем не менее сказать, что он сам обыкновенно не признавал этот недостаток. В своем параметрическом речах он постоянно говорит словами своего убеждения и прямо противостоит помощи своей теории. Уланг, в 1817 г., противопоставил в Англии увеличение количества рабочих, бывший таковым для рабочих классов, несомненно, благодаря тому, что Рикардо доказывал, что возвышение количества рабочих несет

История Финансового Права

лист № 2

обыкновенно не рабочий, а капиталист. Посмотрим, оправдывается ли все это в фактическиности. Обратим сперва внимание на одну сторону, посмотрим, насколько повышается рабочая плата одновременно с поднятием стоимости жизненных припасов. Дубиде приводит по этому поводу следующие цифры:

В 1749 году цена пшеницы составляла от $26\frac{1}{2}$ до 30 шилл. за четверть, зарплата рабочая составляла 6 шилл. в неделю.

В 1790 году цена пшеницы возросла в 2 раза (= 53 шилл.); между тем зарплата рабочая едва достигла 8 шилл.

В 1801 году стоимость пшеницы достигла 115 шилл. за четверть; рабочая плата, между тем, ввиду того, что не поднималась до 23 шилл., как следовало ожидать, едва достигла 10 шилл.

В 1812 году цена пшеницы равна 122 шилл. 8 пенс., рабочая плата 11 шилл.

В 1826 году цена уменьшается до 58 шилл. между тем рабочая плата уменьшается только до 9 шилл.

Максим обнаружил, что когда мы не видим увеличения рабочей платы, пропорционально поднятию цен на факты.

У того же Дубиде мы можем найти другие примеры, которые доказывают несправедливость обобщений, делаемых Рикардо. Дубиде говорит, что в 1785 году, за покрытие издержек расходов, у ирландского ремесленника оставалось 5 шиллингов 5½ пенсов, а в 1805 г. уже только 2 шилл. 1½ пенс, т. е. цены на жизненные припасы возросли в $2\frac{1}{2}$ раза сильнее, чем заработная плата. Угловитый английский капиталист и неслучайно родоначальник строящегося Полюса Брассей сообщает ряд еще более интересных примеров. Заработной платы, которую получали разбитые категории рабочих, служившие при постройке эскалаторов дорог у его отца и у него самого; при этом он приводит также цены предметов первой необходимости. В 1849 году, говорит он, при его отце, каменщик получал 24 шилл. в неделю, а он сам в 1869 году платил тому же каменщику 27 шилл. т. е. больше на 12%; плотник у отца получал 22 ш. 6 пенс., а у него 24 ш., т. е. больше, всего на 6%; платил же землекоп оставался без питания. Между тем цены продуктов питания несравненно сильнее. Мясо с 1р. стерлингов 11 шилл. 6 пенс. за фунт возросло до 2р. 15 шилл., мясо с 7 пенсов - возросло до $8\frac{1}{2}$, или в то время как заработная плата возросла немного как на 6-12%, мясо поднималось в цене на 75%, мясо поднялось в цене на 18%. Эти некоторые примеры показывают ясно, насколько выводы Рикардо являются ошибочными и почему сравнительной статистики не может дать много фактов, которые еще более ясно подтверждают сказанное нами.

Поэтому в настоящее время большинство экономистов держится того взгляда, что заработная плата возрастает медленнее, чем цена припасов. Понижение ответственности со стороны государства стимулируется выводом Фрикса о перемещении налогов, который весь построен на том же предположении, что заработная плата стремится остаться в уровне с минимальным уровнем продовольствия, поэтому, если цена припасов возрастает, должна возрасти и заработная плата, что отразится на величине прибыли капиталиста. Но полагая, что цена припасов возрастет по существу, посредством налога на предметы потребления. Совершенно верно, что заработная плата должна в таком случае повышаться, а следовательно рабочие от этого налога никоим образом не пострадают. Но такой абстрактный вывод совершенно противоречит выводам статистики. По изданию проф. Дювернега оказывается, что в английской семье, получающей 40 ф. годового дохода, а такая цифра представляет средний доход английского рабочего, платит он государству в форме налогов 2,1% в год, но тот же самый рабочий, получающий с семьи 25 ф. платит уже только 1,7%, а при доходе в 500 ф. только 0,8%. Что касается налога на капитал, то большую часть его несет богатейший класс: из 88 милл. ф. стери., которые хранит английский народ на капитал, 60 милл. принадлежит рабочим классам, который и уплачивает за них 18 милл. налога, причем, нужно заметить, что почти вся эта сумма, или почти 90% этого налога она несет. Можно образно видеть, что налоги косвенные, особенно же налоги на предметы первой необходимости, несутся преимущественно богатым и массе народа. И давят на нее тем сильнее, чем больше пропорционального дохода. Это мнение в настоящее время настолько распространено, что едва ли найдется сколько нибудь изысканий английский экономист, который не раздумывал бы его. Леона Леви, Кингсфорд Лесли, Фрэнсис и другие даже Дювернега и другие держатся более или менее ортогонального положения, что косвенные налоги преимущественно лежат на массе народа и ведут к крайней неравномерности обложения.

Менее обратились к самой теории косвенных налогов. Теория косвенных налогов Фрикса построена на двух предположениях или гипотезах. Первая гипотеза заключается в том, что каждый расходуется соответственно со своим средствством. Второе же, которое вводит в теорию, не совсем требует прямо от государства уплаты поощрения, приватизации, ввиду косвенных налогов. Второе же объясняет некоторые предметы потребления и, ввиду в отношении с потребителем, требует этого налога от производителя, который, в свою очередь, перемещает его на потребителя. Но как же, по вышеприведенной гипотезе, каждый расходует соответственно, т.е. лишь в том, в чем больше и наоборот, то эта теория косвенных нало-

и во отношении равноправности обложения, является значительно привлекатель-
ной. Но стоит только немного подумать и убедиться, что и упрочит только не-
состоятельность этой теории. Косвенный налог может падать на предметы пер-
вой необходимости. Эти предметы потому и называются предметами первой 필요-
ности, что человек не может обходиться без них: как-бы ни были они дороги,
они, для поддержания своей жизни, должны потребляться ир — таквы хлеб, соль и
т.п. др. Но эти предметы касаясь цены в известном количестве и че-
ловек богатый не потребляет их больше, чем бедняк. Поэтому, обладая
неограниченными средствами, человек в количестве хлеба не увеличивает, чем че-
ловек с самыми ограниченными средствами. Поэтому, если налог падает на хлеб,
на соль, то богатый платит в сумму этого налога, столько-же, сколько и всякий
бедный — рабочий, ремесленник и т.п. Второй платит ^{также} на другие блага, потому что,
имея ограниченные средства, он не может иметь много изысканных благ —
театры, вещи, а потому должен потреблять в известном количестве, чем че-
ловек богатый, хлеб, соль и т.п. простые предметы, обложенные налогом. Таким обра-
зом при обложении предметов первой необходимости равноправности существовать
не может. Возьмем теперь предметы второй необходимости — табак, пиво и
т.п. Правительство назначает такие налоги, которые может справиться в propor-
циональности, облагая более дорогие предметы более высокими налогами. Но такое
спределение редко увеличивается пропорции. Как никогда не потребляет табака, так никто
може не потреблять пива, пива и т.п. Поэтому человек богатый, но не курящий,
може быть избавлен от налога на табак, а бедняк ему подвергнется. Даже, в
распределении таковы налоги, ирает не малою роль разнородие входов. Человек бо-
гатый, но не курящий и не пьющий, может потреблять дешевый табак,
дешевое пиво и, наоборот, человек малосостоятельный, — дорогой табак и до-
рогое пиво. Таким образом мы видим, что теория косвенных налогов, постро-
енная на вымышленной гипотезе, привлекательна только с первого взгляда, в дру-
гую же минуту она отпадает и признается несправедливо и фальшиво.

2.

Другая гипотеза, на которой собственно Рикардо не основывал теорию
отражающего налога косвенных налогов, заключается в том, что привычки, в дан-
ный момент, во время отражающего промышленности равны. Для адекватности —
популярной теории косвенных налогов такая гипотеза необходима, так как
только при этом условии становится возможным равномерное переложение на
потребителей. Возьмем, напр., пиво производитель табака, однозначного налога.
Если ир привычки неравны, напр. 10%, 7%, и 5% на потребителей капиталист, а налог 5%,

то первый производитель переисходит весь налог и получает 5% прибыли. Второй грабничает, выводит конкуренцию с первым, может переисходить только часть налога, только 2%. Третий же грабничает, получает 5% прибыли, никак не будет в состоянии переисходить и принужден будет прекратить производство. Очевидно, что равенство прибыли необходимо для того, чтобы такие налоги падали всецело на потребителей, вследствие того именно условие недостатка в действительности, и прибыли всецело разливается на практике даже в одной и той же профессии. Док. Ст. Милль говорит, что «считаясь общими правилами торговли, что равные капиталы дают равную прибыль». Выводы такого-то ошибочны, как и сказать, что «отсутствие итого или роста дает отставленность экономической силы» (Political Economy, 1868, В. II, Ст. XV, 249; Русск. перев. 1874. Кн. II и. XV, 472). В том же сочинении и Кемпфер Лесин, который говорит, что в действительности прибыль разнообразится от громадных барьеров до полной потери. После этого и мы находим у Лерца Боше. Таким образом вот три экономиста, высказывающих мнение в правдивости вышеприведенной гипотезы и при соизмерении вполне подтверждается действительности жизни. Ушиная масса ценный способствует разнообразию прибыли. Возникает напр., так же отрасли промышленности, как и производство и других вещей. Уши так же ценный трудностей и бед, в высшей и для совершенно одинаковых вещей будут стоять различно, смотря по месту, какая из них дороже. Уши так же ценный или дороже, напр., указать на проведение железной дороги по какой нибудь горной. Уши выводит этого могут или пасть, или подняться. Разнообразие прибыли способствует и также экономическому усовершенствованию. Выводение трудностей отчасти так же правдиво, без которого не было бы правильно взимать налог, производство обобщенных предметов концентрируется — мелкие грабники захватывают и вместо них создается крупный. В Англии, напр., при огромном потреблении спиртных напитков существовал всего 11 винокурных заводов, но весьма обширный. Такой концентризм в Англии способствует существованию патентного сбора. Если мы разберем, сколько этого сбора падает на различных предпринимателей, то увидим, что при мелком производстве спиртных напитков этот сбор падает на издержки — количество продукта в разном 1 пенса, а при крупном — в разном 1/16 пенса. Поэтому можно сказать, что крупное производство выводит мелкое. Таким образом мы видим, что существует масса соответствующих и несоответствующих ценный, следовательно разнообразию прибыли, а следовательно вышеприведенная гипотеза вполне несостоятельна. Так как выше мы доказали, что первая гипотеза

математическо-исследовательская, как эта поведенческая, но при этом им и многое другое, что и в своей теории кооперации находит, построенная у Рикардо на изложении гипотезах, впрочем, несомненно. В итоге правилности и правдоподобности в объяснении, а это, конечно, главная цель всякой рациональной научной системы, она вносит только фактичность.

Всего вышесказанного достаточно для характеристики метода абстрактного метода, которым пользовался Рикардо. Не касаясь вопросов Рикардо в науку, скажем только, что метод, которым он пользовался, привел его к изложению выводов, непригодных для практики, вследствие чего они не могут быть применимы к экономической политике. Но этот недостаток указывали Уэллс и Сей. Несмотря на это, все учение Рикардо держалось прочно и по своему Кларку и Десю, теория его даже получила характер ортодоксальности и всякое соображение относительно пр. ит.д. является. В действительной сущности учения Рикардо особенно интересно то, что он воспроизводит идею совершенно противоположного характера. Теория Рикардо, возникшая в Англии, носила капиталистический характер и, несмотря на это, она в довольно высокой степени носила характер Маркса, проповедовавшего совершенно противоположные учения. Все это конечно было свидетельством того главного недостатка, о котором мы уже говорили, — именно, поиском использования абстрактных методов и попыток применения законов, распределения и предельных доходов.

Рикардо в своем сочинении главное внимание сосредоточивает на производстве и наибольшее производство является учено главной целью всей экономической политики. Эта односторонность взглядов свойственна не только Рикардо, а вообще того им и другим авторам, того им и другим экономическому взгляду; на великую ошибку мы смотрим с точки зрения наибольшего производства; то же им и другим прием, та же им и другая ошибка, для Рикардо имеет значение на экономическом, на экономическом способе производства, им ослабляя его; только это означает ему масштабный при среднем отношении данной шоры, как бы ни была форма изготовления шоры по соображениям экономическим, соображениям справедливости и др., но если только она не в состоянии способствовать возрастанию капитала и увеличению производства; этого уже достаточно для Рикардо, что бы признавать такую ошибку непригодной. Максим обращение наибольшего производства Рикардо ведет является целью. Если обратимся назад, в сущности то действительно, что воззрение его формы в общем картоне судится воззрением Рикардо, но обращение его к практическому методу у Смита часто смысливается то